

Московский педагогический
государственный университет

**ВОЙНА
И РЕВОЛЮЦИЯ:
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И КАТАСТРОФЫ**

Материалы
Всероссийской научной конференции
г. Москва,
19-20 мая 2016 г.

Москва
2016

Коллектив авторов

**Война и революция:
социальные процессы и
катастрофы: Материалы
Всероссийской научной
конференции 19–20 мая 2016 г.**

«МПГУ»

2016

УДК 93(082)
ББК 63.3-4я431

Коллектив авторов

Война и революция: социальные процессы и катастрофы:
Материалы Всероссийской научной конференции 19–20 мая 2016
г. / Коллектив авторов — «МПГУ», 2016

ISBN 978-5-4263-0430-7

Сборник содержит статьи и тезисы докладов участников Всероссийской научной конференции, состоявшейся в Москве 19–20 мая 2016 г. В нем нашли отражение результаты научных исследований отечественных историков и политологов, посвященные изучению феноменов войны и революции, влияния социальных потрясений на ход общественного развития. Сборник адресован специалистам и всем, интересующимся историей.

УДК 93(082)
ББК 63.3-4я431

ISBN 978-5-4263-0430-7

© Коллектив авторов, 2016
© МПГУ, 2016

Содержание

Предисловие редактора	6
Война и революция – от анализа процессов к пониманию эпохи	6
Пленарное заседание	8
Бифуркационное состояние общества накануне и в ходе войны 1941–1945: Причины, следствие	8
Политические революции в истории России середины XVIII – начала XXI вв.: историко-теоретический анализ	15
«Конфликт ожиданий» в отношениях между Россией и Западом в начальный период новой российской государственности. 1991–1993	27
Секция I	30
Революция как мировоззренческая и концептуальная проблема пермских крестьян в декабре 1917 г.	30
«Третьеиюньский» переворот и «новый» избирательный закон 1907 г., как результаты первой русской революции в оценке партии кадетов	33
Становление Советской власти в Рязанской губернии	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Война и революция: социальные
процессы и катастрофы: Материалы
Всероссийской научной конференции;
г. Москва, 19–20 мая 2016 г.
Под редакцией Алексея
Брониславовича Ананченко**

Редакционная коллегия:

А. Б. Ананченко, директор Института истории и политики МПГУ, кандидат исторических наук (главный редактор сборника)

В. Ж. Цветков, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ, доктор исторических наук

М. В. Астахов, доцент Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, кандидат исторических наук

С. Ю. Рафалюк, заместитель директора Института истории и политики МПГУ, кандидат исторических наук, доцент

В. Л. Шаповалов, заместитель директора Института истории и политики МПГУ, кандидат исторических наук, доцент

Предисловие редактора

Война и революция – от анализа процессов к пониманию эпохи

Всероссийскую научную конференцию *«Война и революция: социальные процессы и катастрофы»* мы рассматривали как часть большого комплекса мероприятий, посвящённых 100-летию Великой российской революции 1917 года. Мы стараемся, чтобы наши мероприятия, в том числе и эта конференция, проходили не по стандартному шаблону юбилейных мероприятий, когда более важными становятся не сами проблемы понимания того или иного явления, а праздничные ритуалы.

Для нас принципиально важно обсуждать актуальные и важнейшие мировоззренческие, теоретические, концептуальные и гносеологические проблемы понимания истории, современной исторической эпохи и содержания современных исторических процессов.

Бывают времена, когда принципиальные содержательные вопросы не важны или становятся такими только для отдельных представителей той или иной отрасли, направления науки. Однако сегодня появились такие проблемы, которые не позволяют двигаться дальше в понимании и изучении большинства конкретно-исторических исследований без решения ряда принципиальных мировоззренческих, концептуальных и теоретических проблем исторических исследований.

Теоретическое понимание истории 30 лет назад находилось на принципиально ином уровне, чем сегодня. Отказ от определённого мировоззрения привёл и к отказу от стоявшего за ним теоретического объяснения истории и социальной жизни. Что пришло на смену? На смену пришли более простые и часто ещё более идеологизированные, но на основе других мировоззрений, утверждения и объяснения. Символом упрощения в целом в профессиональном сообществе проблем понимания истории и общества стало повсеместное употребление и распространение для любого утверждения и суждения о том или ином историческом или социальном явлении названия «теория».

Хочу подчеркнуть, что большое количество существующих у нас сегодня оценок истории, советского общества, современной эпохи и места в ней России не представляют собой теории или концепции. Чаще всего они являются набором идеологических оценок на основе других мировоззрений и ценностей, в том числе и враждебных России.

Именно поэтому сейчас очень важно обратиться к осмыслению базовых понятий нашего исторического мировоззрения, его оснований и их обоснованности. Например: *Что такое война не как ошибка, а как социальное явление? Неизбежна ли война в наших условиях? Неизбежна ли война в современных условиях – это важная научная проблема. Но не менее важен результат научного понимания этой проблемы, который имеет значение для всего общества, для выработки политики государства.*

Внимательно надо анализировать новые формы войны, цели войны. *Что составляет содержание современной исторической эпохи? Мировые войны как исторический процесс? Современность и мировая война?* Этих вопросов очень много.

Наша конференция, наши доклады как раз и показывают современное состояние науки, её поиски, попытки найти мировоззренческие, теоретические ответы на самые разные вопросы, открыть новые факты и новые явления в уже, казалось бы, хорошо нам известном прошлом, переломных эпохах и процессах нашей истории.

На нашей конференции мы объявили и о создании *Ассоциации исследователей советского общества и новейшей истории России (АИСО-НИР)*.

Нам важно сегодня объединить усилия всех профессиональных, заинтересованных и неравнодушных учёных самых разных специальностей – историков, политологов, экономистов, культурологов, социологов, философов и представителей других наук вокруг проблем формирования современной концепции и теории исторических процессов, а также явлений современной эпохи.

Разноплановые, междисциплинарные исследования таких исторических процессов, как война и революция, ставшие главными проблемами нашей конференции, должны помочь нам в том, чтобы начать анализ, формулировку проблем современного постижения, объяснения и изменения истории.

*Директор Института истории и политики МПГУ,
к. и.н. Алексей Брониславович Ананченко*

Пленарное заседание

Бифуркационное состояние общества накануне и в ходе войны 1941–1945: Причины, следствие

*Бугай Н.Ф.*¹

Аннотация: Цели и задачи: рассмотреть особенности проявления состояния бифуркации в обществе на примере войны 1941–1945 гг., выявить особенности и специфику этого состояния в эволюции от точки отсчета до финиша бифуркации, его влияние на дальнейшее развитие общества. Проблема рассматривается в трех плоскостях: общество, экономика, международные отношения, на примере отношений Турции и курдской общности. Особое внимание обращено на условия формирования бифуркации в обществе в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Показаны причины и следствие этого общественного явления.

Ключевые слова: бифуркация, точка отсчета, специфика, модель поведения, война, дезертирство, Красная армия.

Bugay N.F. The bifurcation state of society before and during the War 1941–1945: causes, consequences

Abstract: Aims and objectives: to consider the features of display state of the bifurcation in the society by the example of the war years 1941–1945, reveal the characteristics and specificities of this condition in the evolution of the reference point to the finish line bifurcation, its influence on the further development of society. The problem is considered in three dimensions: society, economy, international relations, the example of relations between Turkey and the Kurdish community. Particular attention is paid to the conditions of formation of a bifurcation in the society during the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Showing a cause and a consequence of this social phenomenon.

Keywords: bifurcation, point of reference, the specific model of behavior, war, desertion, the Red Army.

В современных войнах, полыхающих на разных континентах, общество всегда пытается определить точку отсчета бифуркации. Об этом наглядно демонстрируют в условиях современности ощущение подобного явления события на территории Украины, да и состояние мировой экономики, экономик государств Европы, России. Развитие внутренних негативных процессов за два десятилетия в Украине, всеми мерами поддерживаемых хунтой, показывает, каким образом вызревали условия для погружения сообщества в состояние, известное в науке, в том числе и исторической науке, как бифуркация². На практике само понятие многогранное, философское, и на различные его аспекты обращается внимание философами, однако, по своей направленности оно не может не представлять интерес и для историков, экономистов в ходе изучения социальных процессов в государствах. Что касается *экономистов*, то можно было

¹ Бугай Николай Федорович – главный научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор.

² Точка бифуркации – это *точка равновесия как устойчивой, так и неустойчивой точки выбора дальнейшего развития системы*. Она имеет аттрактор – отрезок эволюционного пути от точки бифуркации до определенного финиша (им может быть другая точка бифуркации). См. подробнее: Егоров В.Е. Бифуркационное дерево как модель эволюции природы, человека и общества. Уфа, 2011.

бы в этом плане отметить опубликованную удачную статью, бывшего президента Киргизии, экономиста А. А. Акаева. В ней автор наглядно на примере развития мировой экономики раскрыл проявление бифуркации (разветвление в двух направлениях – на подъем или на спад).

2015 год в развитии экономики Европы он определяет годом бифуркации. Он объясняет это выводом зависимостью «экономики от геополитического выбора Евросоюза. Экономика может пойти по восходящей или же нисходящей траектории к существенному спаду». Им же затронуто и оказание влияния подобного состояния на развитие экономического сектора Российской Федерации [1, с. 1059–1069].

Анализируя неустойчивое равновесие экономик еврозоны, их уязвимое состояние, он одной из причин формирования бифуркационного состояния в экономике определяет и санкции по отношению к России. Автором выяснены причины погружения экономик в такое состояние и сделан вывод, что «если удастся устранить влияние геополитической напряженности на экономическое развитие, ситуация в еврозоне изменится кардинальным образом» [1, с. 1068].

В плане *международного направления*, здесь также очевиден вывод о подобном явлении, которое накануне военной обстановки и в ходе ее проявляется с особой остротой. По нашему мнению, такую ситуацию, например, характеризуют отношения между курдской общиной и Турцией, и особенно курдской общиной в Сирии.

Турция своим поведением всячески содействует краху мирного процесса. Она не избрала путь истинного партнерства в борьбе с ИГИЛ (ДАИШ), более того, стала потворствовать поставкам вооружения для них. Все эти акции не могли не содействовать формированию бифуркационного состояния в курдской общине. В этих отношениях и так все было сложно, беспокойно. В чем же здесь заключалась точка бифуркации (отсчета), когда курды окончательно выступили против режима Турции? Ответ на этот вопрос изложила доктор общественных наук, тюрколог Галья Линденштраус в своей статье в ежемесячном издании *Idkun Astrategi* (выходит под эгидой израильского Института исследований национальной безопасности – Institute for National Security Studies, INSS) [10]. Линденштраус полагает, что точкой отсчета им послужил теракт ДАИШ в июле 2015 г. в пограничном г. Суруч (Турция). Он был направлен исключительно против гуманитарной миссии по оказанию помощи курдской общине на севере Сирии. Т. Эрдоган выражал недовольство как позицией, занятой курдами в Сирии, отношением общины в самой Сирии к Турции, так и явным усилением позиций курдской общины в самой Турции. Это можно рассматривать как второе измерение явления.

В этой непростой ситуации перед курдами возникла задача выбора своей четкой позиции: война с ДАИШ и достижение стабильности в Средиземноморском регионе. Курды избирают путь борьбы против Турции. За ними 600 км границы Сирии с Турцией.

Познание причин возникновения явления бифуркации, как и последствий позволяет прежде всего сфокусировать внимание конкретно на причинах того или иного *отдельного явления в обществе*.

Один пример из истории Союза ССР 1920-х годов. В начале 1920-х годов в региональном масштабе формируется состояние бифуркационной ситуации в Северокавказском регионе. Что было характерным для обстановки в крае – тяжелое экономическое состояние в крае, открытое проявление сепаратизма в разных его формах, нежелание подчинения центру, малограмотный контингент партийных и советских работников, отъявленная борьба с бандитизмом, ликвидация межэтнических противоречий, урегулирование земельных претензий, постоянные вооруженные столкновения на этой почве. Все это выступало причинами формирования бифуркационного состояния общества. Однозначно принимавшимися полумерами не было возможности устранить все негативы действиями оперативного порядка: создание системы представительств, формированием вооруженных отрядов по борьбе с бандитизмом, создание курсов профессиональной подготовки управленцев и партийными органами, и советскими, повышение уровня грамотности. Назрели или дальнейший развал сформировавшейся системы

национально-государственного обустройства, или упрочение власти советов путем совершенствования федерации.

Было принято решение о формировании территориально-административного образования – Северокавказского края, который объединил все национального государственного образования, и стал промежуточным центром советской власти, просуществовавшим до 1927–1928 гг., и также по причине сепаратизма край был разделен по самостоятельным территориям.

Таким образом, в качестве примеров как раз и представлена возможность анализа формирования бифуркационного состояния в трех измерениях.

Это в полной мере относится и к такому универсальному по своему характеру явлению как война, в том числе и Великая Отечественная война в Союзе ССР 1941 – 1945 годов. В связи с войной важно выявление поведенческого настроения участвовавших в этих событиях, их отношение к самой войне, уровня самосознания и национального сознания и самосознания, степени отношения к обществу, государству, проявления в чрезвычайных условиях, сформировавшихся по тем или иным причинам в том или ином государстве, патриотических чувств.

Глубокий анализ природы бифуркационного состояния общества позволяет систематизировать явления в обществе в связи с создававшейся той или иной конкретной обстановкой, а также выработать технологии по устранению обстановки, снижению ее накала, как правило, содержащего много негатива. В связи с этим очень важно и определение комплекса механизмов для работы по разным направлениям, которые отчетливо проявляются как причины для подобного состояния общества и погружение в него самого общества.

Накануне войны, вторая половина 1930-х годов, отличалась принятием многих нормативно-правовых актов, обострявших отношение в обществе, или способствовавших их обострению. В конце 1937 г. – о выселении 500 корейцев из Москвы, Московской области других областей центра страны, 31 января 1938 г. новое постановление ЦК ВКП(б) о продлении репрессий среди населения по принципу национальной принадлежности, о разрешении Наркомвнуделу проведения операции до 15 апреля 1938 г. по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын как иностранноподданных, так и советских граждан и др. Все они рассматривались во внесудебном порядке.

Все это не могло не будоражить общество и создавало нервную обстановку в его сознании, не обостряет ситуацию в самом государстве. На территории страны были подвергнуты принудительному переселению курды – около 5000 чел., иранцы – 6000 тыс. человек, цыгане. Настроение со стороны этнических меньшинств заметно ухудшалось.

Пока в исторической науке обобщающие исследования по изучаемой теме отсутствуют. Исследования в большей мере статейного характера, отличаются выработкой подходов к изучению темы и ее изложения. При этом авторы, которые мимоходом касались этой темы, наряду с вопросами теории, выявляют и событийный ряд, который более ярко характеризует подобное состояние в обществе [4,7,2,1]. Тем не менее, все основания для более глубокого изучения темы имеются.

В связи с этим в конкретном случае становился главной задачей определение так называемой, той самой, *точки отсчета*, которая занимает как бы конститутивное положение в формировании перехода общества в бифуркационное состояние непосредственно в условиях войны.

Если конкретно перейти к теме войны 1941–1945 гг., то четко вырисовывается в первую очередь нарушение процесса консолидации многонационального сообщества в решении главной, стоявшей перед страной задачи – ликвидации угрозы существованию государства.

Однозначно, в этих условиях также полумерами невозможно было решить проблемы обострения межнациональных отношений, например, проведение переписи населения 1939 г., когда численность этнических общностей была произвольно сокращена до 64. В этой мере

этнические общности усматривали ущемление их кровных интересов, конституционных прав. Налицо были и ущемления их идентичности, в том числе территориальной идентичности, разрешением призыва представителей этнических меньшинств в армию.

Более того, ощутимой составляющей оставалось и формируемое правовое законодательство, сопровождаемое ущемлением прав многих представителей этнических меньшинств, которых было более 4 тыс. в оборонном секторе промышленности Союза ССР.

Применение на практике стереотипов в национальных отношениях, признание неблагонадежности порождало обострение в отношениях по вектору – «народы и власть». В этом плане познать глубину этих явлений позволяет привлечение метода альтернативного исследования (И. Смелзер). Благодаря этому становится очевидным накопление «болевых точек» в обществе. К ним можно было бы причислить проявление неприязни к государству, действиям органов государственной власти; недовольство проводимыми деструктивного свойства мерами со стороны партийных органов; непродуманность предпринимавшихся мер в сфере экономики, вмешательство в жизнь общества со стороны военных органов, возможно даже и не обоснованное, однако, проводимое в жизнь без долгой на то подготовки самого общества, контрреволюционные выступления, хищения социалистической собственности, бандитизм, разбой, умышленные убийства, подделка денежных знаков, воровство, контрабанда, хранение огнестрельного оружия и другие.

С учетом названных факторов, как и других, им сопутствующих, таким отсчетом, точкой бифуркации применительно этого периода войны в Союзе ССР можно считать в первую очередь проявление дезертирства, и уклонения от службы в Красной Армии, которые подтверждается и количественными данными архивных документов, воспоминаний участников событий. Именно проявление этих факторов выражали несоответствие состояния открытой системы внешним условиям окружающей среды. Общество могло успокоиться переходом к хаотическому состоянию.

Это ярко проявилось в пяти географических регионах государства: на Северном Кавказе, в Закавказье, в Средней Азии и Казахстане, в Центральных областях СССР (по данным НКВД СССР – Белоруссия, Карело-Финская ССР, Молдавия, Украина, Башкирская АССР, Коми АССР, Крым, Сибирь и Дальний Восток), а также в *силовых структурах* (особо органы НКВД СССР, органы милиции, Главное управление войск НКВД СССР по охране тыла). По имеющимся отчетам отдела НКВД СССР по борьбе с политическим бандитизмом за три года (вторая половина 1941 г. – первая половина 1944 г.), по группам: дезертиры - 1 210 224 чел., уклонявшиеся от службы в Красной армии – 456 667 чел.; всего – 1 666 891 человек [9, с. 114–115].

Соотношение этих показателей выглядело следующим образом по регионам. Наибольшее число приходилось на Центральные области: дезертиров – 391 062 человек, уклонявшихся от службы в Красной армии - 198 578 чел.; Северный Кавказ: дезертиров – 49 362 чел., уклонявшихся от службы – 13 389 человек; по Средней Азии с учётом Казахстана: дезертиров – 41 980, уклонявшихся – 107 867 человек [9].

Что же представляли в этом плане силовые ведомства? Что касается силовых ведомств, то наиболее высокие показатели по этим категориям лиц приходились на органы НКВД СССР: дезертиров – 484 478, уклонявшихся от службы – не зафиксировано; транспортные органы милиции: дезертиров – 167 799, уклонявшихся от службы – 80 837 человек [9, с. 115]. В плане военной и политической подготовки, воспитания патриотизма обстановка, одним словом, оставалась неблагополучной непосредственно в самих органах НКВД СССР.

Приведённые сведения ещё раз со всей убедительностью подтверждают тот факт, что предвоенные годы в СССР не были безоблачными. По этим причинам часть общества, несомненно, погружала страну в известное бифуркационное состояние. В стране имели место ост-

рые противоречия в реальной жизни народов; они проявлялись «в столкновении интересов народов, различных когорт населения».

Второй причиной, основой состояния бифуркации в обществе – в годы войны явилось уклонение от службы в Красной (Советской) Армии. В большей мере эти факторы находили проявление в аграрных регионах страны, однако, были характерными для всей ее территории.

Подобные акции были настолько ощутимыми, что органам государственной власти приходилось уже в ходе войны заниматься решением проблемы институционализации целого направления политики. Выражением этого было формирование в структуре НКВД СССР Главного управления по борьбе с бандитизмом под командованием генерала А.М. Леонтьева, а также в союзных и автономных республиках административных краях и областях отделов по борьбе с бандитизмом. Выделялась в их распоряжение и специальная военная сила.

Одним словом, была создана система структур, задача которых, естественно, сводилась к борьбе с бандитизмом, возникавшими бандитскими формированиями, основой действий которых в большей мере выступала как борьба против строя, так и борьба за выживание, отсюда разбои, грабежи, неповиновение органам власти, недовольство их деятельностью. Наносился заметный ущерб как советским, так и партийным органам власти.

В связи с этим названные институты времен военной обстановки заслуживают более подробного анализа, прежде всего оценок характера их действий. И в современных условиях не совсем понятно выступление отдельных групп политиков, ученых, особенно из тех регионов, откуда проводилось выселение. Отсюда различие в токовании самих процессов принудительного переселения граждан. Противоречия в этом вопросе принимают обостренный характер.

В данном случае вся суть сводится к тому, что речь не идет об оскорблении той или иной этнической общности по причине проявлений в ее среде дезертирства или уклонений от службы в Красной Армии, коллаборационизма. Никто не преследует подобную цель. Речь идет о возникших социальных институтах в годы войны, носивших несистемный характер. Практика проявления этих факторов говорит сама за себя, о том, насколько сложную обстановку создавала деятельность этих институтов в тылу советских войск.

Однако не следует сбрасывать со счетов и прочие сопутствующие факторы – это проявление экстремизма, стремление поддержать по причине проводимых мер накануне войны обострение, связанное с осуществлением коллективизации, коренизации; неудовлетворенности жизнью разных групп населения.

Одним словом, имели место сочетание военных, экономических факторов, дополнявшее друг друга. Однако они аккумулировались в сознании людей, принадлежавших к различным этническим общностям, имевших разный уровень грамотности, образования, не всегда готовых адекватно реагировать на возникавшую сложную и противоречивую ситуацию, доводя до абсурда и сам процесс переселения.

В условиях военного времени «поправить» ситуацию было не всегда возможным. Поэтому включались меры так называемых ответных действий – явление ритомсации. Вывод был очевидным. Этому необходимо было противопоставить только военную силу. Подобные меры нашли применение в условиях войны. В военной обстановке отмечались и многие неадекватные действия со стороны органов власти в условиях формирования бифуркационного состояния общества. Возникал вопрос: куда устремлены были усилия названных институтов, явно, не на поддержку сражавшейся армии, партизанского движения, а на превращение огромной массы населения в альтернативную государству силу. Часть этих групп населения занимала выжидательную позицию, часть – преследовала своей целью – поддержку новому фашистскому режиму власти, усматривая в этом возможность и удовлетворение своих кровных интересов, и оказание сопротивления советской власти, колхозному движению, принимаемым мерам по стабилизации обстановки со стороны органов власти. Все это находилось в

рамках аттрактора, отрезка эволюционного пути – «от точки бифуркации до определенного финиша».

В ряде регионов страны этими же силами была решена задача по формированию органов управления этими процессами: Комитет Чечено-Горской национал-социалистической партии (ЧГ НСП) интенсивно готовил восстание в горных районах республики с целью свержения Советской власти [5], Татарский национальный комитет, возглавляемый Д. Абдурашидовым (Абдерешидов), Армянский национальный комитет, имевшей целью вербовку по вовлечению армян в активную борьбу с советами, Болгарский национальный комитет (Федоров, Л. Бунжук, А. Шалолиев, С. Величев и др.)³, Карачаевский национальный комитет и др.

Разумеется, карательные органы государственной власти, в первую очередь система НКВД СССР с ее разветвленным исполнительным аппаратом, были информированы о состоянии дел на местах, особенно по развитию бандповстанческого движения, нанесению ощутимого ущерба, принимали свои конкретные меры, обусловленные военной обстановкой.

Начиная с 1941 г., последовали принудительным порядком из Москвы как столицы государства 140 семей – чеченцев, 66 семей – карачаевцев, 2193 семьи – калмыков. Одним словом, меры, начатые еще до начала войны, о чем отмечалось, пришлось продолжить.

Конечно, меры эти были не всегда прозрачными. Так, вряд ли, располагая точными сведениями о бандитизме, действиях банд, надо было в качестве наказания прибегать к принудительному переселению всей этнической общности, включая стариков, женщин и детей.

Тяжелым следствием погружения страны в бифуркационное состояние накануне и в ходе войны являлось и формирование самосознания и национального сознания граждан, демобилизации граждан (офицеры, сержанты, рядовые – более 220 тыс. человек), принадлежавших, по определению историка А. Некрича, к «поруганным народам», подводило часть общества к депатриотизации.

По нашему мнению, историкам, исследующим эти сложные процессы в годы войны 1941–1945 гг., надо проявлять особую осторожность, касаясь вопроса о принудительных переселениях. В эти процессы вовлекались и невинные люди советской страны, они обвинялись в коллаборационизме, в антисоветской деятельности, в отсутствие желания воевать на фронте.

К сожалению, случаев искаженного освещения событий более чем достаточно. Так, Л.Н. Дьяченко в своей докторской диссертации с полной серьезностью утверждает, что курды и турки-месхетинцы выступали на стороне фашизма [3]. Это в корне противоречит действительности, искажает реальное положение дел, свидетельствует о легковесном отношении самого исследователя к сложной проблеме исторической науки, слабой ее проработке автором. Выдвигать в условиях современности непроверенные факты ни к чему другому кроме как настроенности в обществе, недовольству не приведет.

Таким образом, всестороннее изучение проблемы формирования бифуркационного состояния общества, показ его аттрактора (отрезка эволюционного пути от точки бифуркации до финиша), механизмов выхода возможен, благодаря выявлению новых архивных документов, анализу имеющейся литературы. Их обобщение в этом плане будет приближать нашу историю к достоверному и более четкому отражению начала и развития многих социальных процессов в государстве, в число которых включено и такое универсальное явление как война, демонстрации исторической действительности; содействовать раскрытию и анализу устранению имевшихся обид и недосказанности в истории многонационального сообщества страны.

³ Болгарский национальный комитет, как теперь уже известно, так и не был создан. Однако, работа по пособничеству немцам проводилась, как и агитация за выселение русских и украинцев с территории Крымской АССР (См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. – 9478. Оп. 1. Д. 248. Л. 10–11).

Источники и литература

1. *Акаев А.А.* Год бифуркации в мировой экономике // Вестник российской академии наук. 2015. Т. 85. № 12. С. 1059 – 1069.
2. Бифуркация природы экономического кризиса [Электронный ресурс] URL: <http://www.intelros.ru>. (дата обращения 15 апреля 2016)
3. *Дьяченко Л.Н.* Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации): дис. д-ра ист. наук. Фрунзе, 2013.
4. *Егоров В.Е.* Бифуркационное дерево как модель эволюции природы, человека и общества. Уфа, 2011.
5. Кавказские орлы (Обзор материалы о банддвигении на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР). Алма-Ата, 1945). М., 1993.
6. *Крупский М.А.* Феномен социальной аномии в условиях современного общества. Автореф.... к.ф.н. М., 2013.
7. *Михайлова Н.В.* Концептуальная эволюция национальной и федеративной политики России. Дис...д.и.н. М., 2012.
8. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии. М., 1994. С. 114–115.
9. *Шилов И.* Провал Турецко-курдского мирного процесса // Информагентство Регнум. 17 февраля 2016 г.

Политические революции в истории России середины XVIII – начала XXI вв.: историко-теоретический анализ

Астахов М.В.⁴

Аннотация: Цель статьи – провести историко-теоретический анализ политических революций в процессе исторического развития России середины XVIII – начала XXI вв. Выводы: следует различать «революционное формирование политической системы», «революционный политический кризис», «революционную ситуацию» и «политическую революцию». В истории России выделяются политические революции: октября-декабря 1905 г., февраля 1917 г., октября 1917 г. – ноября 1920 г., августа 1991 – декабря 1993 гг.

Ключевые слова: Революционное формирование политической системы, революционный политический кризис, революционная ситуация, политическая революция, гражданская война.

Astahov M.V. Political revolutions in the history of Russia middle of XVIII – beginning of the XXI century: the historical and theoretical analysis.

Abstract: The purpose of the article – to conduct a theoretical analysis of the political revolutions in the historical experience of Russia the middle of XVIII – the beginning of XXI centuries. Conclusion: we must distinguish between "revolutionary political crisis", «revolutionary situation», «political revolution» and «revolutionary formation of politi-System». Political revolutions are distinguished in the history of Russia: October-December 1905, February 1917, October 1917 – November 1920, August 1991 – December 1993.

Keywords: revolutionary political crisis, revolutionary situation, political revolution, the revolutionary formation of the political system, civil war.

Политическая реальность в мире и в России в конце XX – начале XXI вв. показывает, что политические революции не являются историческим анахронизмом, и пока нет никаких оснований исключать их из будущего. При этом, обращаясь в прошлое, мы можем вглядываться в политическое будущее, в том числе и России.

Однако как обстоят дела с этим немаловажным вопросом в современной научной литературе? В частности в *отечественной историографии* проблемы политических революций в истории России по-прежнему принято рассматривать лишь в рамках *описания* исторических событий и идеологических оценок, спектр которых, разумеется, расширился.

Научное историческое объяснение не отдельных революционных событий, а политической революции в целом, в конкретном историческом ее проявлении, остается, на наш взгляд, перспективной задачей исторических исследований. Историки, как правило, стремятся к формированию все более широкой и детальной фактологической основы истории революций, вынося их теоретическое объяснение за рамки исторических исследований⁵. Такая позиция историков объясняется, на наш взгляд, инерцией советской историографической традиции, отсутствием опыта историко-теоретических исследований и естественной осторожностью в слабо разработанных научных вопросах. Исследования в этой области и после двадцати пяти лет развития новой российской историографии по-прежнему остаются «недиссертательными».

⁴ Астахов Михаил Викторович – кандидат исторических наук, доцент Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева

⁵ К исключениям из этого правила относятся исследования: В.С. Измозик и С.Н. Рудник [16]; А.Б. Ананченко [2, 3], Б.А. Исаева и Н.А. Баранова [18], в которых на основе богатого исторического материала делаются реальные шаги в направлении теоретического обобщения революционных политических процессов в России XX в.

Иные трудности присущи *современной отечественной политологии и социологии*, которые по своим предметам и целям призваны теоретически изучать и объяснять феномен политической революции. Последние десятилетия они стремятся, главным образом, обобщать и осваивать опыт западных коллег. В политологических учебных пособиях стремление сочетать все существующие подходы порождает *эkleктику*, лишаящую их позитивного научного и дидактического значения⁶. При этом в теории проявляется стремление уйти от понятия "политическая революция"⁷, хотя политическая практика начала XXI в. это убедительно опровергает. В политической социологии переводы зарубежных авторов дополняются отечественными прикладными исследованиями политических настроений, предпочтений и электорального поведения [7, 10], однако теоретические проблемы социологии политической революции остаются вне зоны их внимания [8].

Эти недостатки современных российских исследований во многом можно объяснить реакцией на идеологическое господство в отечественной историографии и общественных науках в целом так называемой «ленинской позиции» по вопросам революций, которая не всегда точно отражала мнение В.И. Ленина, а выражала чаще текущую позицию руководства ВКП(б) – КПСС⁸. В результате с начала 1990-х гг. проблемы теории политических революций в России не изучались, а были просто выведены за рамки исследований⁹.

Вопросы теории политических революций, и в том числе в истории России, относились в советском обществоведении к «историческому материализму» (социальной философии) и к «научному коммунизму» (советская форма политологии). В первом случае они не рассматривались, а лишь затрагивались как аспект социальной революции, а во втором – как «теория социалистической революции» [37, 38]¹⁰. Подход советской политологии заключался в изложении «марксистско-ленинской» концепции не всех политических революций, а лишь социалистической и подведение под нее исторических примеров [29]. Сами политические революции в истории России не были предметом специального теоретического анализа. Изучался лишь их

⁶ Характерным примером такой *эkleтики* является учебный курс "Политологии" Г.М. Заболотной и А.Я. Криницкого [15].

⁷ Если в учебнике А. Демидова и А. Федосеева 1995 г. [13] соотношению "политической революции" и реформ посвящен отдельный параграф, то в учебнике В. Пугачева и А. Соловьева 2000 г. [33] понятие "политическая революция" не используется. Его заменяют понятием "второй тип изменений": "...предложено различать два типа политических изменений. Первый тип изменений означает нарушение соотношения элементов, которые выражают равновесие системы и не затрагивают основных структур общества и власти. Например могут меняться лидеры, правительства, отдельные институты, но ведущие ценности, нормы, способы отправления власти сохраняются в прежнем качестве. Второй же тип изменений касается модификации несущих элементов, трансформирующих базовые институты, нормы и коммуникации, которые в совокупности способствуют достижению системой нового качественного состояния".

⁸ Если отвлечься от различий в деталях, то суть общей позиции В.И. Ленина и ВКП(б)–КПСС сводилась к следующему: «политическая революция» – это массовое выступление народных масс против существующей государственной власти, которое приводит к смене господствующего класса; в истории России произошло три политических революции: первая – буржуазно-демократическая революция 9 января 1905 г. – 3 июня 1907 г., вторая – буржуазно-демократическая революция февраля 1917 г. (без уточнения хронологических рамок); третья революция – Великая Октябрьская социалистическая революция 24–26 октября 1917 г. Считалось, что ликвидация классов в России в результате «социалистической революции» с неизбежностью должна была бы положить конец и политическим революциям.

⁹ Анализ теоретических взглядов В.И. Ленина, в том числе и на политические революции в России, почти исчез из современных научных исследований, что получило отражение в историографических работах [36, 9, 25, 12]. Кстати, специальные исследования по ленинской концепции истории Февральской и Октябрьской революций также отсутствуют в советской историографии. См. статьи Историография и Библиография в энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция». Ленинская концепция революций в России излагалась в официальных тезисах ЦК КПСС к юбилеям соответствующих революций [34, 24, 23, 1, 22]; в выступлениях руководителей КПСС [6, 11] или официальных изданиях по истории КПСС, начиная с «Краткого курса истории ВКП(б)» [20, 21]. Хотя с 2007 г. проходит ежегодная научно-практическая конференция «В.И. Ленин в современном мире», но уровень большинства опубликованных тезисов докладов не носит научно-исследовательского характера. См.: [Электронный ресурс] URL: <http://leninism.su/lenin-now/4186-lenin-v-sovremennom-mire-2009.html?showall=> (дата обращения: 10.04.2016). Научный анализ концепции В.И. Ленина политических революций в России и «ленинской концепции» в реальности и в советской, а также постсоветской историографии – задача будущего исследования.

¹⁰ Первый советский «Философский энциклопедический словарь» (М., 1983) [40] содержит статьи: социальная революция, буржуазная революция, социалистическая революция, в которых не используется понятие «политическая революция».

«опыт» и необходимые «уроки» для «международного коммунистического и рабочего движения» [19, 16]. Однако отсутствие анализа не отрицает наличие в советской политологии определенного общего подхода к пониманию политической революции, который в основном можно свести к следующему:

- всякая политическая революция является социальной, но не потому, что она является частью «эпохи социальной революции» как переходной эпохи в развитии конкретного общества, а потому что она есть процесс общественный, то есть *социальный*¹¹;

- победоносная политическая революция приводит к государственной власти новый общественный класс¹². В истории каждой развитой капиталистической страны происходит «Великая», то есть «победоносная» буржуазная революция: в Англии – Великая английская революция; во Франции – Великая французская революция; в США – война за независимость и т. д. Это положение не подтверждается историческими фактами, поскольку каждая из таких стран переживает не одну победоносную, а ряд политических революций, каждая из которых является неполной, «проигравшей», и лишь последняя доводит этот длительный процесс до полной и окончательной победы: в Англии – Великая английская революция, Славная революция, имевшая революционный характер выборная реформа 1830–1832 гг.; во Франции – Великая французская революция, революция 1830 г., революция 1848 г., 1870–1871 гг.; в США – Великая американская революция 1775–1789 гг. и гражданская война 1861–1865 гг.; в России – первая русская революция 1905 г. и Февральская революция 1917 г. и т. д.¹³;

- политическую революцию принято отличать от гражданской войны; не признается, что последняя есть лишь высшая форма и фаза первой;

- политические революции в истории отдельной страны рассматриваются как часть процесса качественной трансформации феодального государственного строя в буржуазную политическую систему. Однако как *целое* этот процесс не выделяется и не анализируется.

Таким образом, научное историко-теоретическое изучение политических революций в России завершилось в нашей стране в начале 1930-х гг. с утверждением в историографии так называемой «ленинской позиции». С трудом оно стало возобновляться лишь с конца 1980-х гг., после чего по политическим причинам почти полностью угасло в 1990-е гг., вернувшись к исторической и иной публицистике, перейдя к публикации источников и переводной литературы, а также к описанию новых, неполитических аспектов революционных процессов.

Целью данной статьи является восполнение в определенной мере этого пробела путем теоретического анализа истории политических революций в России, прежде всего их сущности (социального характера); определения их хронологических рамок; анализа соотношения политической революции с революционным политическим кризисом и революционной ситуацией, а также гражданской войной; соотношения политической революции в узком смысле и политической революции в широком смысле в период с середины XVIII до начала XXI вв.

Было бы неправильным, ставя цель историко-теоретического исследования, скрывать от квалифицированного читателя теоретико-методологические основы, на которые опирается и из которых исходит автор¹⁴. Рассматривать политическую революцию в рамках современного

¹¹ В то время как Маркс под этим понимал приход к государственной власти нового социального класса.

¹² Выделение «социальных или общественных классов», как результата применения метода генерализации в изучении социального состава общества, не является заслугой марксистов, а раскрытие содержания этого понятия остановилось в отечественной литературе, как известно, на «ленинском определении». Однако и само это определение и применения его к изучению исторического процесса требует, на наш взгляд, серьезного уточнения.

¹³ Лишь в работе конца 1980-х гг. М.А. Барга и Е.Б. Черняка [5] начинают выделяться «циклы революций» в истории Западной Европы, которые получают название «диахронные циклы межформационных революций». Значение этого важнейшего исследования еще не осознанно и даже в основном не освоено в отечественной историографии. Однако авторы выводят за рамки предмета своего исследования политические революции в России.

¹⁴ Такое требование, как известно, является обязательным для диссертационных исследований, но большинством, по крайней мере, историков оно обычно игнорируется в монографиях и статьях, вероятно будучи признанным формальным научным

политологического подхода как абстрактный аспект «политического процесса» или разновидность «политического конфликта» (кризиса) было бы искажением исторического процесса, потому что политическая революция кладет конец старому политическому процессу и открывает качественно новый, потому что она представляет собой такой политический конфликт (кризис), который аккумулирует и разрешает в себе все старые и мелкие политические конфликты и создает качественно новый политический процесс, в котором возникают качественно другие политические конфликты. Замена содержательного теоретического анализа политических процессов их формальной классификацией приводит исследование к абстрагированию от *содержания* политической революции, от качественных изменений ее социальной *сущности* и ее социальной *функции*, то есть от тех главных вопросов, которые должна отражать теория исторического процесса¹⁵.

Рассматривать политическую революцию как исторический процесс, как социальное явление, абстрагировавшись от общества в целом, от стадии его исторического развития, означает лишить ее как социальной *роли* (функции), так и исторического *содержания*. Следовательно, рассмотрение политического процесса в целом, то есть развития политической системы, вне определенной теории развития (истории) общества, было бы неправильным, возвращало бы историческое исследование к уровню науки XVIII в. На наш взгляд, преобладание на современном этапе постмодернистского направления в обществоведении делает защиту и развитие *рационализма* еще более значимым, чем в периоды устойчивого развития науки. Однако и в этих условиях рациональная академическая традиция продолжает существовать и находит воплощение в *системно-аналитическом подходе* к объяснению функционирования и развития общества, то есть исторического процесса в целом [4]. Опираясь на него как на методологическую основу, и в рамках его системы философских категорий и основных историко-социологических понятий можно следующим образом начать рассмотрение сущности и объективной логики политических революций в истории России.

Говорить о политических революциях имеет смысл лишь в рамках перехода общества от феодального типа к буржуазному или от средневекового – к современному, когда происходит складывание собственно политической системы. Переход же от потестарной – первобытно-родовой системы управления обществом¹⁶ к государству не принято называть "политической" или "государственной революцией", хотя качественное, *существенное* изменение системы социального управления обществом является общепризнанным [35]. Причина этого кроется в том, что "революцией" с конца XVIII в., с Великой французской революции, принято называть лишь *вооруженные восстания* населения, прежде всего в столице, против существующего государства, сопровождаемые беспорядками, разрушениями, человеческими жертвами и приводящие, как минимум, к *значительным* изменениям *социального содержания* государственной власти и расширению политических свобод. Такое представление с добавлением классового подхода лежало до конца 1980-х гг. в основе понимания политической революции как советской исторической наукой¹⁷, так и отечественной социальной философией [41]. При этом, как уже отмечалось, всякая революция признавалась как *социальной*, так и *политической*, поскольку всякая политическая революция влияет на общество¹⁸.

требованием, нечто вроде неизбежной дани научной бюрократии.

¹⁵ Использование в публикации научной терминологии, отражающей абстрактные моменты политического или социального процесса, еще не делает ее, как известно, *научной теорией*. И классификация, то есть *формальная* систематизация, эмпирических социально-политических фактов не может в принципе привести к образованию соответствующих *понятий* и *теории*.

¹⁶ Общество имеет форму родовой общины, социальное управление в которой основано на доверии и уважении к главе рода, а позднее и к вождю племени, а не на насилии или угрозе его применения, как это стало позже в государственном управлении.

¹⁷ Такое представление лежит в основе первого значительного шага к теоретическому осмыслению европейских политических революций XVI–XIX вв. отечественными историками, см.: Барг М.А., Черняк Е.Б. [5].

¹⁸ К. Маркс писал в 1844 г.: «Каждая революция разрушает старое общество, и постольку она социальна. Каждая револю-

Такое понимание "политической революции" требует уточнения. Ее следует отличать от социальной революции, которая понимается как *качественное* изменение всего общества в целом. Следовательно, политическая революция есть качественное изменение лишь политической системы общества: изменение ее *социальной сущности*, перестройки *остального* ее содержания и *способа ее функционирования*. Отсюда возникает необходимость выделения понятия "революционное формирование политической системы" как длительного исторического процесса возникновения и развития качественно новых элементов в государственном строе общества, переходящего от старого его типа к новому – как революцию в широком смысле слова¹⁹.

Революционное формирование буржуазной политической системы протекает в России с середины XVIII в., когда возникают первые общественные организации; продолжается через государственные реформы 60 – 70-х гг. XIX в. и образование политических партий, ведет к революциям 1905–1907 гг. и февраля 1917 г., которые должны были привести к Учредительному собранию и завершиться формированием недостающих элементов буржуазной политической системы (см. схему 1).

"Политическая революция" в узком смысле слова охватывает не всю политическую систему, а лишь *государство*. Она изменяет его социальную сущность путем прихода к *государственной власти* нового *социального класса* или существенного изменения роли классов в управлении государством. Политическая революция с неизбежностью имеет форму *государственного переворота*, однако обратное утверждение верно не всегда. Признаком *начала* и *протекания* политической революции становится появление второго центра государственной власти в стране – возникновение двоевластия или многовластия, когда открыто возникает новый орган власти, не только *не признающий* существующую государственную власть, но и *не допускающий* ее применение по отношению к себе; протекает *острая борьба* между старой и новой властью в форме массовых выступлений мирных или вооруженных. Отчетливо такие признаки проявляются в Февральской революции 1917 г. Вооруженное восстание солдат 27 февраля приводит образованию Временного комитета Госдумы, Петроградского Совета и Временного правительства, существующих параллельно и вопреки воле императора Николая II, то есть к двоевластию, которое завершается отречением 3 марта 1917 г. великого князя Михаила Александровича в пользу Учредительного собрания. Этим событием заканчивается первое двоевластие, вместе с этим и политическая Февральская революция в узком смысле слова.

Описание логики «политической революции 1905–1907 гг.» требует для своего объяснения введения понятия "революционная ситуация"²⁰, когда возникает равновесие политических сил в острой фазе «революционного политического кризиса», что проявляется в невозможности подавления массовых выступлений на фоне резкой публичной критики государственной политики и требований ее смещения. Такой революционный политический кризис и "револю-

ция низвергает старую власть, и постольку она имеет политический характер» [32].

¹⁹ Советская историография не выделяла политическую революцию в широком смысле слова, как самостоятельный процесс, не осуществляла ее теоретический анализ, не разрабатывала соответствующие понятия. Ее заслугой является накопление значительного эмпирического материала по различным аспектам, территориям и этапам этих революций.

²⁰ В.И. Ленин выделил «революционную ситуацию» как историческое явление и ввел в ряде своих работ 1913, 1915 и 1920 гг. соответствующее понятие [26, 27, 28]. Содержание этого явления раскрывается В. И. Лениным в трех признаках: 1) верхи не могут управлять по-старому- невозможность господствующего класса сохранять в неизменном виде своё господство; 2) низы не хотят жить по-старому- резкое обострение выше обычной нужды и бедствий угнетённых классов и их желание изменений своей жизни в лучшую сторону; 3) значительное повышение революционной активности масс. В. И. Ленин подчеркивал при этом сочетание экономического и политического кризиса. Для перерастания революционной ситуации в революцию он считал необходимыми «достаточно сильные массовые революционные действия», чтобы свергнуть правительство (т. 26, с. 219). С последним нельзя согласиться полностью, поскольку в этом случае следует отрицать факт революции 1905 г., которая к свержению самодержавия не привела. На наш взгляд, для «перерастания революционной ситуации в революцию» необходимо кроме «массовых революционных действий» возникновение второго центра – центра революционной государственной власти, а для победы революции необходим также раскол армии и в особенности в столице. Это подтверждается, по нашему мнению, опытом российских политических революций.

ционная ситуация" возникает в России 9 января 1905 г., когда государственная власть восприняла массовое шествие рабочих к царю как выступление против царизма. В октябре 1905 г. всероссийская стачка приводит к образованию Петербургского совета рабочих депутатов, кладет начало политической революции в узком смысле слова, которая заканчивается 18 декабря 1905 г. поражением декабрьского восстания в Москве. Этим завершается революционная ситуация в России, но не революционный политический кризис. Он проявился в ниспадающих революционных выступлениях и в деятельности I и II Государственных дум, которые противоречили воле царя, но не требовали ликвидации самодержавия или отставки правительства. Таким образом, революционный политический кризис продолжался с 9 января 1905 г. до 3 июня 1907 г., революционная ситуация с 9 января до 18 декабря 1905 г., а буржуазная политическая революция – с 13 октября до 18 декабря 1905 г., то есть с образования Петербургского совета рабочих депутатов в ходе Всероссийской октябрьской стачки до поражения Московского вооруженного восстания²¹.

Требует также уточнения характеристика политической ситуации, возникшей в России и существовавшей с 1 ноября 1916 г. до 23 февраля 1917 г. Для нее не характерны массовые политические выступления, но существует "революционный политический кризис" как кризис государственной власти, когда один из высших органов государственной власти (Государственная дума) входит в конфликт с другим (царским правительством) и требует существенного перераспределения

государственной власти. Как известно, Государственная дума потребовала отставки царского правительства и создания правительства, ответственного перед ней. Фактически это вело к превращению формально ограниченной монархии в буржуазную монархию, когда фактическая власть принадлежала бы буржуазному парламенту и созданному им правительству. "Революционный политический кризис" может иметь различные сочетания дисфункций центральной государственной власти и массовых выступлений: правительственный кризис, кризис государственной власти, революционная ситуация.

При этом начало «революционной ситуации» как острой формы и фазы революционного политического кризиса либо совпадает с его началом, либо непосредственно предшествует политической революции²² в форме массовых революционных выступлений, и революционная ситуация, перерастая в политическую революцию, продолжается до ее победы или поражения, как это было с 9 января до 18 декабря 1905 г. и с 23 февраля до 3 марта 1917 г.²³

Значительно сложнее обстоит дело с Октябрьской революцией и периодом революционных событий с марта до октября 1917 г. В настоящее время существует две точки зрения. Одна из них сложилась в советской историографии и сводится к различению Февральской и Октябрьской революций 1917 г. как двух качественно различных политических революций. Другая исходит из трактовки революционных событий 1917 г. в России как единой политической революции, лишь разворачивающейся в своих различных этапах (см. схему 2).

²¹ В.И. Ленин также особо выделяет этот период в работе «Крах II Интернационала» [28].

²² В революции октября-декабря 1905 г. революционный политический кризис с января до октября 1905 г. сразу приобретает форму революционной ситуации, а в период с октября 1905 г. до июня 1907 г. – форму кризиса государственной власти. Естественно, формы революционного политического кризиса могут пересекаться, если учитывать, что политическая революция в узком смысле слова есть высшая форма революционного политического кризиса, а следовательно и революционной ситуации.

²³ раскол армии прежде всего в столице, возникновение революционного органа власти и 3) если «старая власть» не сдается, протекает гражданская война до ликвидации двоевластия, когда оно существует в форме вооруженного противостояния. В зависимости от предпосылок и условий развитие политической революции может быть прервано в разных фазах, что определяет ее политические результаты (степень изменения соотношения политически правящих классов, организационных форм, способа функционирования и политического режима государственной власти, уровня сформированности революционной политической системы).

27 февраля 1917 г., с начала Февральской революции, в форме «мирного двоевластия» возникает новый революционный политический кризис с новой расстановкой борющихся социально-политических сил, который завершается в лишь в октябре 1922 г. с подавление последних очагов вооруженного сопротивления советской власти. «Мирное двоевластие» Временного правительства и Петроградского Совета олицетворяло претензии на власть существенно разных социальных сил российского общества. Это «мирное двоевластие», при всей его противоречивости и смене форм, продолжалось с марта до октября 1917 г.²⁴ Апрельский, июльский и августовско-сентябрьский правительственные кризисы, а также Корниловский мятеж порождали революционные ситуации, которые в конце концов переросли в государственный переворот, завершивший это «мирное двоевластие» новой политической революцией.

«Октябрьская революция» в *Петрограде* (24–27 октября 1917 г.), ограниченная масштабами столицы, положила начало новой политической революции, новому двоевластию и многовластию. Октябрьская революция в *России* (октябрь 1917 г. – ноябрь 1920 г.) включила ряд этапов:

- государственный переворот в Петрограде;
- установление советской власти на территории почти всей страны как в мирной форме, так и в форме вооруженных восстаний;
- этап гражданской войны с мая 1918 г. до ноября 1920 г.

Октябрьская политическая революция в России в широком смысле слова охватила период с октября 1917 г. до конца 1930-х гг., когда завершилось формирование советской авторитарно-бюрократической политической системы.

Приведенный исторический материал позволяет ставить и решать вопрос о *типологии политических революций* в России. Поскольку социальная сущность политической революции заключается в переходе государственной власти к новому *социальному классу*, сущностная типология этих революций предполагает выделение этого класса. Применительно к политическим революциям октября-декабря 1905 г. и февраля 1917 г. таким классом общепризнанно является российская буржуазия. Поэтому данные революции по социальному содержанию являются *буржуазными*, а по политической целям, к которым они стремятся, являются демократическими (республиканскими). Октябрьская революция 1917 г. по социальному содержанию является *бюрократической*, по цели – демократической (республиканской). Однако научное понимание политической революции предполагает ее историческую оценку не по цели, а по результатам как по *содержанию* так и по *форме*:

Революция октября-декабря 1905 г. Ее содержательные социальные результаты заключаются в получении российской буржуазией несущественной части законодательной власти и части политических свобод. Политическая форма результатов – дворянско-буржуазный парламентаризм при формально ограниченной абсолютной монархии.

Февральская революция 1917 г. Содержательные результаты – переход, минуя конституционную монархию, формально всей власти к буржуазии (законодательной, исполнительной, судебной, военной), фактически мирное двоевластие – при господствующей власти буржуазии (в лице Временного правительства) сочетание ее с властью рабочих, солдат и крестьян (в лице Советов). Политическая форма результатов – утверждение политических свобод, резкий рост

²⁴ С тезисом В.И. Ленина о завершении мирного двоевластия в результате событий 3–5 июля 1917 г. в Петрограде трудно согласиться полностью, поскольку Советы сохранились, а эсеровская партия стала ведущей во Временном правительстве. Корниловский мятеж в таком случае не ставил бы целью ликвидацию Советов. Соотношение сил между Временным правительством и Советами, разумеется, изменились. С одной стороны, военные полномочия Советов сократились (в лице Петроградского Совета), с другой стороны, зависимость Временного правительства от Советов возросла, поскольку советские партии меньшевиков и эсеров стали в большей степени определять политику правительства. Временное правительство с июля 1917 г. продолжало опираться на Советы и потеряло власть в лишь октябре, потеряв их поддержку с конца августа.

революционной демократии снизу при стремлении Временного правительства к концентрации власти (отказ подчиняться Советам и Предпарламенту) и тенденции перерастания государственной власти в форму авторитаризма (Корниловский мятеж и Октябрьская революция).

Октябрьская революция 1917–1920 г. Содержательные результаты – переход фактически государственной власти к новой «социалистической» бюрократии²⁵, сложившейся из радикальной интеллигенции, служащих, рабочих и крестьян. Политическая форма результатов – авторитаризм при декларативной демократии; однопартийная политическая система и, следовательно, однопартийный политический режим при идеологической «социалистической» монополии; разделение государственной власти по функциям и степени влияния между партийной, советской и хозяйственной бюрократией.

Обращаясь к *«либеральной» политической революции* в России конца XX в., следует выделить революцию в широком смысле слова – революционное формирование либеральной политической системы, начавшееся с августа 1986 г., когда в СССР были сформированы два массовых либеральных органа печати (газета «Московские новости» под руководством Егора Яковлева и журнал «Огонек» под руководством Виталия Коротича), и протекающее до настоящего времени. Революционный политический кризис возникает с мая 1989 г., когда собирается I съезд народных депутатов СССР, объективно противостоящий ЦК КПСС. С марта 1990 г. начинается революционная ситуация, когда вместе с отменой руководящей роли КПСС в ряде союзных республик компартии раскалываются, теряют власть, с Литвы начинается выход союзных республик из состава СССР.

Либеральная политическая революция в России в узком смысле слова охватывает период с августа 1991 г. до декабря 1993 г. Она является частью революционного политического кризиса, начавшегося в СССР в мае 1989 г. и протекавшего в РФ до июля 1996 г. и включает четыре государственных переворота:

- ГКЧП (19–21 августа 1991 г.) – ликвидация КПСС и ограничение власти Президента СССР;

- ликвидация СССР и государственной власти Президента СССР (8–25 декабря 1991 г.);

- события сентября–декабря 1993 г. в Москве (21 сентября – 4 октября 1993 г.) – ликвидация власти Верховного Совета, утверждение фактически государственной власти в руках Президента РФ, которая была оформлена и закреплена в Конституции декабря 1993 г. Этими событиями заканчивается либеральная политическая революции и революционная ситуация в России.

Однако революционный политический кризис продолжается до июля 1996 г., когда победа Б.Н. Ельцина на выборах президента РФ закрепляет победу либералов, а их противники терпят окончательное поражение.

Результаты авторитарно-бюрократической либеральной политической революции 1991–1993 гг. Содержательные социальные результаты заключаются в переходе государственной власти от «социалистической» бюрократии к западно-ориентированному («либеральному») союзу бюрократии и узкого высшего слоя буржуазии – монополистической буржуазии (финансовой и промышленной) при руководящей роли в этом союзе государственной бюрократии. По форме ее политические результаты представляют переход от однопартийной к многопартий-

²⁵ Обвинения советской власти в бюрократических извращениях начались с 1920-х гг.: Л. Троцкий в середине 1930-х гг. делает вывод о бюрократической сущности советского государства [39]; Джилас М. в работе «Новый класс» (1957 г.) [14] раскрывает бюрократию как политически господствующий класс в реальном социалистическом обществе; к этому выводу подводил В.П. Макаренко в работе «Бюрократия и государство» 1987 г. [30] и позднее пришел к этому выводу в 2009 г. работе «Политическая бюрократия и народная разведка» [31]. Околонаучная публицистика, начиная с 1987 г., представляет собой пропагандистскую эклектику (относит советское общество и советское государство к «рабовладению», «феодализму», «крепостничеству», «бюрократизму», «тоталитаризму») и, на наш взгляд, не представляет научного значения.

ной системе при сохранении однопартийного политического режима, к авторитарной форме государственной власти и декларативной демократии.

Каждое общество в эпоху перехода от феодального типа к буржуазному переживает не одну «победоносную», как считали ранее, а целый ряд политических революций, цели которых достигаются, как правило, частично и не полностью, лишь в той степени, в какой имеются социальные и культурные *предпосылки и условия* их достижения; и лишь последняя является полной и окончательной. При этом, проходя через все изломы конкретных событий, героизм и предательство политических лидеров, переходные формы конституционной монархии или авторитаризма, остается неизменной историческая направленность длительного исторического процесса перехода от абсолютной монархии к демократии²⁶. Таков объективный закон исторического процесса в политической сфере в целом, и в России в период с середины XVIII до начала XXI вв. в частности.

Таким образом, политическая революция в широком смысле слова, как революционное преобразование политической системы охватывает длительный период и сопровождается рядом политических революций в узком смысле слова в форме массовых политических выступлений, ряда государственных переворотов, вооруженных восстаний или гражданской войны. Двоевластие является характерным признаком политической революции в узком смысле слова. Её предваряет революционный политический кризис, который, развиваясь, приобретает форму революционной ситуации, а та, в свою очередь, достигает высшей остроты в самой политической революции. Окончание политической революции является также концом революционной ситуации, но не всегда революционного политического кризиса, который может еще продолжиться некоторое время.

В истории России XVIII–XXI вв. можно выделить следующие политические революции в широком и узком смысле слова. Революционное формирование буржуазной политической системы (политическая революция в широком смысле слова) с середины XVIII в. до октября 1922 г. включало две буржуазные политические революции октября–декабря 1905 г. и февраля 1917 г. Революционное формирование авторитарно-бюрократической (социалистической) политической системы с февраля 1917 г. до конца 1930-х гг. включало Октябрьскую политическую революцию в России с октября 1917 г. до ноября 1920 г. Революционное формирование буржуазно-демократической политической системы началось с осени 1986 г. и продолжается в России до настоящего времени. Оно включило в себя авторитарно-бюрократическую либеральную политическую революцию 1991–1993 гг., которая привела на современном историческом этапе к утверждению бюрократического авторитаризма с опорой на прозападную монополистическую буржуазию, многопартийной политической системы при однопартийном политическом режиме.

Политической перспективой современной России является революционный политический кризис. Его разрешение допускает следующие альтернативы: завершение перехода всей полноты государственной власти к монополистической буржуазии в форме авторитарного

²⁶ Франции потребовалось пережить за 80 лет 4 демократических революции, чтобы перейти к демократии. Россия также пережила 4 демократические революции за 110 лет, но так еще и не завершила этот процесс. В декабре 2011 – мае 2012 г. Россия пережила начало нового революционного политического кризиса, который не перерос в революционную ситуацию из-за отсутствия «кризиса верхов» и активных противодействий авторитарного государства. Следовательно, повторение новых революционных политических кризисов разной остроты и, возможно, разного социального характера неизбежно в России до тех пор, пока не будут разрешены исторические противоречия и закончен переход от авторитаризма к демократии, может быть, уже вне рамок буржуазного общества. В начале XXI в. нарастание опасности для суверенитета России может опять изменить социальный характер нового революционного политического кризиса и, как это было в 1917 г., привести к политической победе не прозападные радикальные либеральные «демократические» партии, а радикальные партии социальной справедливости и к новому авторитаризму на период построения «нового демократического социализма». Политическое противостояние США и объединенному Западу требует от новой России усиления авторитаризма, а потребности преодоления системного экономического кризиса порождает необходимость ликвидации тотальной коррупции и демократизации. Разрешение этого исторического противоречия возможно лишь путем революционного политического действия независимо от его формы.

однопартийного или «демократического» двухпартийного политического режима, но также возможно в условиях резкого нарастании экспансии Запада против России установление авторитарного режима власти национально-ориентированной буржуазии или левых патриотических сил.

Схема 1

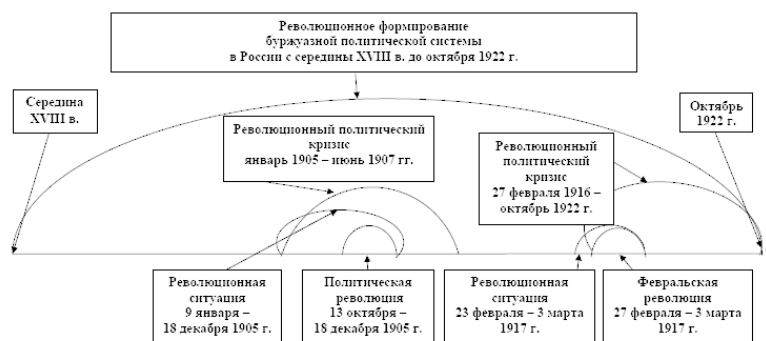

Схема 2

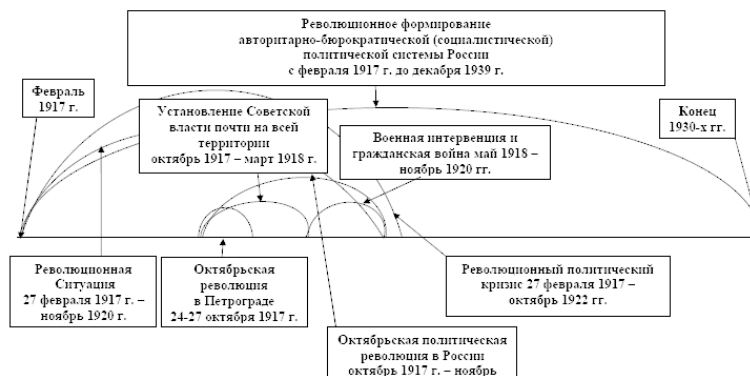
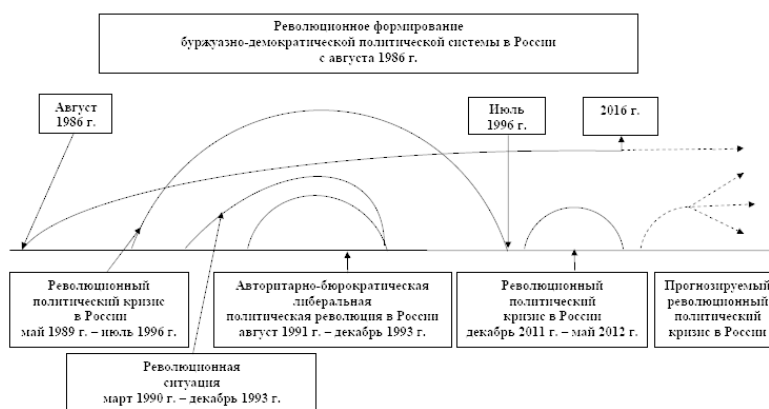

Схема 3

Источники и литература

1. 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС. М., 1967.

2. Ананченко А.Б. Проблемы формирования советской политической системы. М., 2011. 255 с.
3. Ананченко А.Б. Становление политической системы Советской России (1917–1920 гг.): Историко-аналитическое исследование. Saarbrücken, 2011. 346 с.
4. Астахов М.В. Основы системного понимания исторического процесса // Самарский Центр аналитической истории и исторической информатики. Самара, 2010. [Электронный ресурс] URL: http://www.scahi.ru/viewpage.php?page_id=7#%D1%82%D0%B5%D0%B%D1%80%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 12.04.2016).
5. Барг М.А., Черняк Е.Б. Великие социальные революции XVII–XVIII веков в структуре переходной эпохи от феодализма к капитализму. М., 1990. 256 с.
6. Брежнев Л.И. Великий Октябрь и прогресс человечества. Доклад на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР... 2 ноября 1977 г. М., 1977.
7. Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с. [Электронный ресурс] URL: <http://bourdieu.name/content/sociologija-politiki> (дата обращения: 10.04.2016).
8. Васильева Л. Теория элит: социология политики. М.: Социум, 2011. 208 с.
9. Волобуев О.В., Муравьев В.А. Ленинская концепция революции 1905–1907 годов в России и советская историография. М., 1982. 242 с.
10. ВЦИОМ – Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=196&uid=13842> (дата обращения 10.04.2016).
11. Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжестве, заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвящ. 70-летию Великой Октябрьской соц. революции, в Кремлевском Дворце съездов, 2 ноября 1987 г. М., 1987.
12. Григорьев А.А. В.И. Ленин в современной российской историографии, 18 ноября 2011 г. URL: <http://vladislavvolkov.livejournal.com/23361.html>
13. Демидов А., Федосеев А. Основы политологии. Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1995. 271 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Demid/13.php (дата обращения 01.04.2016).
14. Джилас М. Новый класс. N-Y, 1957. URL: <http://www.rulit.me/author/dzhilas-milovan/novuj-klass-get-390344.html>.
15. Заболотная Г.М., Криницкий А.Я. Политология / Тюменский государственный университет // "Федеральные учебные курсы". [Электронный ресурс] URL: <http://www.studfiles.ru/preview/965606/> (дата обращения: 02.04.2016).
16. Зародов К.И. Три революции в России и наше время. 3-е изд. М., 1983. 640 с.
17. Измозик В.С., Рудник С.Н. Февраль и Октябрь 1917 г. – этапы второй российской революции // Ленин в современном мире. М., 2009. [Электронный ресурс] URL: <http://leninism.su/lenin-now/4186-lenin-v-sovremennom-mire-2009.html?showall=&start=10> (дата обращения: 02.04.2016).
18. Исаев Б.А., Баранов Н.А. Современная российская политика: учебное пособие. Для бакалавров. СПб.: Питер, 2012. 448 с. [Электронный ресурс] URL: <http://nicbar.ru/Spetskurs.htm> (дата обращения: 13.04.2016).
19. Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1–3. М., 1985–1987 [Электронный ресурс] URL: <http://vros-lav1985.livejournal.com/59136.html> (дата обращения: 14.04.2016).
20. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». М.: Госполитиздат, 1938. 351 с.

21. История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 тт. Т. 1–5. М.: Политиздат, 1967–1980.
22. К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., 1969.
23. К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции (1917–1957). Тезисы отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и НМЛ при ЦК КПСС // Коммунист. 1957. № 13. С. 3–9.
24. К 40-летию годовщины Февральской и Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС. М., 1957.
25. *Котеленец Е.А.* В.И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. М., 1999. 224 с. [Электронный ресурс] URL: <http://leninism.su/lenin-now/4130-vi-lenin-kak-predmet-istoricheskogo-issledovaniya.html?showall=> (дата обращения: 13.04.2016)
26. *Ленин В.И.* Маевка революционного пролетариата, 1913 г. // Поли, собр. соч. Т. 23. С. 300.
27. *Ленин В.И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Поли. собр. соч. Т. 41. С. 69–70.
28. *Ленин В.И.* Крах II Интернационала // Поли. собр. соч. Т. 26. С. 219.
29. Ленинская теория социалистической революции и современность / Ред. кол.: П.Н. Федосеев и др. М., 1972. 526 с.; Изд. 2-е доп. М., 1975. 535 с.
30. *Макаренко В.* 77. Бюрократия и государство. М., 1987.
31. *Макаренко В.П.* Политическая бюрократия и народная разведка // Политическая концептология. 2009. № 4. С. 111–139 [Электронный ресурс] URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2009.4/10.pdf> (дата обращения 17.04.2016).
32. *Маркс К.* Критические заметки к статье "Пруссак" "Король прусский и социальная реформа", 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 448.
33. *Пугачев В., Соловьев А.* Введение в политологию. 3-е изд. Учеб. для вузов. М., 2000. [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Pugach/31.php (дата обращения: 17.04.2016).
34. Пятьдесят лет первой русской революции. Тезисы института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КПСС. М., 1955.
35. Рождение государства // История первобытного общества. Эпоха классовообразования / Отв. ред. Ю.В. Бромлей; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1988. С. 226–251.
36. Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции: Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов. [Г.Д. Алексеева, Х.М. Астрахан, Н.Г. Думова и др.; отв. ред., В.П. Наумов]. М., 1979. 316 с.
37. Социальная революция // Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм. Изд. 3. М., 1971. С. 193–225.
38. Социальная революция // Программа курса марксистско-ленинской философии для высших учеб. завед. / Мин. высшего и среднего специального образования СССР. М., 1987. С. 24.
39. *Троцкий Л.* Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? 1937. [Электронный ресурс] URL: <http://rovallib.com/book/trotsky/lev/predannaya-revolutsiya-cto-takoe-sssr-i-kuda-on-idet.html> (дата обращения: 14.04.2016).
40. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
41. Эволюция и революция в общественном развитии. Глава XII / Ю. Н. Сухарев, А.А. Федосеев // Диалектика общественного развития. Т. 4 / Отв. редактор тома В.Г. Марахов; Редакторы: В.Д. Комаров, В.С. Овчинников, В.Я. Сулов, Е.А. Шаповалов. М.: Мысль, 1984. С. 206–207.

«Конфликт ожиданий» в отношениях между Россией и Западом в начальный период новой российской государственности. 1991–1993

Барсенков А. С.²⁷

Тезисы доклада

Аннотация: Начало системной трансформации советского общества и выход из холодной войны во второй половине 1980-х гг. сопровождались расчетами на заинтересованное и конструктивное взаимодействие России со странами Запада. Опыт 1991–1991 гг. показал, что бывшие противники по-разному видели перспективы отношений в условиях меняющегося мирового порядка. Становившийся очевидным «конфликт ожиданий» превращался в постоянно действующий фактор, и поныне определяющий характер двусторонних связей.

Ключевые слова: новая российская государственность, внешняя политика России, «конфликт ожиданий», «реальный суверенитет».

Barsenkov A.S. "The conflict of expectations" in relations between Russia and West at the beginning period of the new Russian statehood. 1991–1993.

Abstract: The beginning of the systemic transformation of Soviet society and the way out of the Cold War in the second half of the 1980s accompanied by hopes for the interested and constructive cooperation between Russia and the West. An experience of 1991–1991 showed that the former enemies have seen different prospects of relations in a changing world order. It becomes apparent "the conflict of expectations" turned into a permanent factor, and still defines the character of bilateral relations.

Keywords: new Russian statehood, Russia's foreign policy, "the conflict of expectations", "real sovereignty".

Выступая в Государственной Думе Федерального Собрания 19 мая 2010 г., министр иностранных дел С.В. Лавров обратил внимание на то, что после завершения холодной войны сформировался конфликт ожиданий, «который стал характерным для состояния наших отношений с Западом и который мы только недавно начали преодолевать». На наш взгляд, концепт «конфликта ожиданий» может быть плодотворно использован при объяснении эволюции отечественной внешней политики в конце XX – начале XXI века. Он позволяет содержательно реконструировать то, как начиналась «притирка» друг к другу бывших противников в холодной войне, отношения между которыми не приобрели стабильный характер и поныне.

К 1992 г. большинство западных политиков, прежде всего руководство США, исходили из того, что СССР холодную войну проиграл, и его преемница Россия является побежденной страной. Из этого вытекало, что в отношениях с новым российским государством можно решить ряд важных задач. Прежде всего, это – изменение всей системы общественных отношений бывшего «тоталитарного государства», которое видели в утверждении рыночных отношений, демократического порядка и либеральной идеологии. В практическом плане это предполагало в первую очередь изменение отношений собственности, а также поддержку внутри

²⁷ Барсенков Александр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

России тех политических сил, которые стремились решительно расстаться с прошлым, ориентируясь при этом на опыт «цивилизованных» стран. Во-вторых, обеспечение своей безопасности США связывали с уменьшением военной, прежде всего, ядерной угрозы; отсюда – акцент на разоруженческой проблематике в двусторонних отношениях. В-третьих, предоставление необходимой, но весьма ограниченной экономической помощи контролируемым США международными финансовыми институтами осуществлялось на условиях, при которых России отводилось определенное место в уже сложившейся глобальной экономике. В-четвертых, в соответствии с концепцией «порабощенных наций» (1959 г.), поддерживалось возникновение на территории бывшего СССР новых независимых государств, а от России ожидали отказа от «имперских амбиций», под которыми понимали попытки сохранения влияния и тем более интеграционные интенции.

Свой «набор» ожиданий в отношении Запада к концу 1991 г. сложился и у новой политической элиты России. В ее представлении окончание холодной войны и «августовская демократическая революция» (антикоммунистическая) 1991 года делают Запад не только естественным партнером, но и союзником. Всерьез обсуждалась желательность и необходимость аналога «плана Маршалла» для России, «техническое» содействие в создании рыночных институтов при готовности власти начать реформы в «шоковом» режиме. Понимание того, что реформы будут тяжелыми, делало желательной политическую поддержку со стороны западных лидеров при разрешении и внутренних конфликтов. Рассчитывали на привилегированное внимание к России в сравнении с другими участниками Содружества Независимых Государств. В России надеялись на установление партнерских отношений с США и Западом в целом и в сфере безопасности. Российские лидеры в разных формах выражали готовность присоединиться к НАТО. В Москве полагали, что новая безопасность будет строиться вместе преодолевшей идеологический раскол Европой, поэтому была готова к серьезным шагам в сфере сокращения вооружений.

Что касается будущих отношений на постсоветском пространстве, то в конце 1991 г. в России было мало позитивной определенности. Сохранение влияния в регионе связывали с вопросом о границах и возможностью регулировать цены на энергоносители. В общем плане полагали, что быстрый выход из кризиса и успешное проведение экономических реформ вновь сделают Россию привлекательной и соседи к ней потянутся сами.

Следует специально отметить, что социализация новых российских лидеров происходила в 1960 – 1970-е гг., когда СССР был единственным государством, с которым США были вынуждены считаться всерьез. Поэтому вопрос о международном влиянии страны в условиях меняющегося мирового порядка волновал и новых лидеров. Они придавали большое значение сохранению за Россией статуса «великой державы».

В 1992 г. кризисное состояние экономики было главным фактором не только хозяйственной, но и политической жизни стран. Поэтому усилия президента и главы российского МИДа были сосредоточены на мобилизации международной поддержки реформ. Предпринятые неординарные шаги не дали ожидаемых результатов и предложенная Западом «помощь для самопомощи» не привела к смягчению последствий радикальных перемен, оказавшихся весьма болезненными.

Одновременно постсоветское пространство превращалось в зону политической нестабильности. Вспыхнувшие вооруженные конфликты и другие проблемы потребовали российского вмешательства, что, с одной стороны, актуализировало вопрос о жизненной важности этого направления внешней политики, а, с другой, – породило тему «имперских амбиций» новой России.

Разгоравшаяся на территории бывшей СФРЮ гражданская война становилась важным индикатором угасания Ялтинско-потсдамской системы, в которой СССР играл одну из ключевых ролей. После 1991 г. ведущая роль в урегулировании конфликта постепенно перемеща-

лась от ООН к НАТО и от ЕС к США. Россия столкнулась с неожиданным отношением к ее позиции в регионе традиционных интересов.

В 1993 г. одним из главных направлений внешней политики становится обеспечение поддержки российского президента по преодолению внутривластного кризиса и принятию новой Конституции. Характер противостояния и итоги преодоления кризиса получили неоднозначную оценку западных партнеров.

Итоги исторической динамики России в период «августовской республики» 1991–1993 гг. стали основой для корректировки взаимных ожиданий. В нашей стране начинается дрейф от доминировавшей доктрины «атлантизма», на Западе уточняются границы и формы «вовлечения России» в сотрудничество с «сообществом демократических государств».

Секция I

Война и революция: россия накануне и в годы Великой российской революции

Революция как мировоззренческая и концептуальная проблема пермских крестьян в декабре 1917 г.

*Волгирева Г.П.*²⁸

Тезисы доклада

Аннотация: Впервые показаны технологии большевиков в 1917 г. по воздействию на пермских крестьян и неприятие действий большевиков крестьянами.

Ключевые слова. Земельные комитеты, землеустроители, землемеры, агрономы, крестьяне, большевики.

Volgireva G.P. The Revolution as an outlook and a conceptual problem of Permian peasants in the December of 1917.

Abstract: For the first time shows the Bolsheviks technology in 1917 on the impact on farmers of the Permian and the rejection of actions of the Bolsheviks peasants.

Keywords: Land committees, surveyors, land surveyors, agronomists, farmers, the Bolsheviks.

Революцию как мировоззренческую и концептуальную проблему пермских крестьян отражают документы Пермского Губернского Земельного Комитета. После передачи дел из Землеустроительных Комиссий в Земельные Комитеты многие чины столыпинского землеустройства перешли на работу в Земельные Комитеты. Именно Земельные Комитеты в Пермской губернии обладали всей полнотой власти до октябрьского переворота. Последняя (четвертая) сессия Губернского Земельного Комитета состоялась 10 декабря 1917 г. Авторы документа «Из истории Земельных Комитетов в Пермской губернии» сообщают о проведении четвертой последней сессии: «Особенно ярко во всех докладах с мест подчеркивался рост большевистской агитации, исходящей из среды отдельных небольших групп людей, в большинстве случаев, *посторонних, приезжавших со стороны, к которым примыкали незначительные группы и местных жителей из среды возвратившихся с фронта солдат.* Все эти люди делали свое дело не столько словами, сколько *действиями с оружием в руках.* Они заставляли население национализировать мельницы, выгоняя арендаторов, отнимали квартиры и мебель у служащих лесничеств, увольняли лесничих и проч. В течение декабря месяца таковым движением охвачены были прилежащие к г. Перми и железнодорожным линиям, отдельные части уездов Пермского, Оханского, Соликамского, Красноуфимского и отдельные районы Екатеринбургского уезда» [1, с. 34].

Документ описывает большевиков как «посторонних, приезжавших со стороны» с оружием в руках. Таким образом, новая власть была автократичной по своей природе и игнорировала все демократические процедуры. Именно они заставляли местных крестьян национализировать мельницы, выгонять лесничих с квартир. Также обратим внимание на то, что подобные

²⁸ Волгирева Галина Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ).

факты наблюдались на территориях близких к железным дорогам в пяти уездах губернии и территориях близлежащих к губернскому городу.

Далее документ сообщает о жалобах на данные факты: «В *Губернскую Земельную Управу стали стекаться со всей губернии дела с жалобами*. Приезжали депутации от заводладельцев, лесовладельцев, арендаторы мельниц и проч. приезжали, *часто из далеких мест, и сами крестьяне. Последние старались узнать «по закону ли поступали они», взяв себе, под давлением и угрозами большевиков, мельницу. Некоторые из них просили отменить постановление большевиков «и выдать им на руки бумагу». Другие представители волостей приезжали вместе с изгнанными арендаторами мельниц и уверяли Управу, что своего арендатора они давно знают и не считают его «спекулятором»* [1, с. 34–35].

Как видим, крестьяне пытаются узнать законы, по которым действуют большевики. При этом, они не признают их власть и требуют выдать им документы, отменяющие действия большевиков. Таким образом, крестьянам не были притягательны идеологические формы большевиков.

Картина декабря 1917 г. в документе описана так: «От последней сессии Губернского Земельного Комитета создавалось такое впечатление. Казалось, что на карту было поставлено все. Атмосфера в губернии сгущалась, словно перед какой-то ужасной грозой. Сыплются, как из рога изобилия, советские *декреты о земле, молчаливо остающиеся на наших столах без движения*. Правительства нет. Главный Земельный Комитет распущен. *Губернская Земельная Управа оставалась в губернии единственным учреждением. Сюда были обращены все взоры*. Сюда обращались все учреждения, работающие в губернии по земельному вопросу, сюда шли все должностные и частные лица, владельцы, представители крестьянских обществ и друг. *Земельная Управа являлась самым влиятельным органом в губернии. Не покладая рук, Губернская Управа продолжала интенсивно работать, вступая в открытую борьбу с большевистским невежеством*. В местных газетах печатались постановления IV сессии Губернского Земельного Комитета, по уездам рассылались циркуляры по отдельным вопросам текущей земельной политики, *идушие в разрез с действиями большевиков»* [1, с. 39].

Как видим, декрет большевиков о земле оставался без движения по причине большевистского «невежества». Большевистское «невежество» в данном случае достаточно аккуратное понятие, которое оценивает действия большевиков. Но за ним стоит отказ принятия большевиками законных интересов собственников, среди которых были в первую очередь крестьяне. Добавим, Пермская губерния многоземельная. Местные крестьяне и до столыпинской реформы владели большими земельными участками от 15 до 40 дес. В период столыпинской реформы, в Оханском уезде, например, на банковских землях крестьяне – хуторяне брали земельные участки от 50 до 140 десятин.

Далее, документ сообщает: «Земельные Комитеты, объединив вокруг себя старые, казенные учреждения, тем самым дали возможность последним продолжать деятельность, целиком сохраняя их рабочий аппарат и *соблюдая историческую преемственность в работах*, столь ценную и нужную в момент великих реформ и коренных преобразований. *Земельные Комитеты... делали свое важное, государственное дело – в смысле предотвращения страны от невероятных разрушений. Для человека, кто беспристрастно наблюдал их работу, это ясно, как день. Но большевики, без конца «углублявшие» революцию, пустили насмарку все, что было сделано государственно-полезного Земельными Комитетами»* [1, с. 40].

Как видим, авторы документа пребывают в явном заблуждении относительно понятий «исторической преемственности» в момент «великих реформ и коренных преобразований». Историческая преемственность характеризует устойчивость системы государственного устройства и поэтому является ценным и нужным понятием. Понятие же «коренные преобразования» не только исключает «историческую преемственность», но ведет к неустойчивости и разба-

лансированности системы на всех уровнях власти: концептуальном, идеологическом, законодательном, исполнительном и судебном. Авторы документа совершают ошибку в понимании текущего момента. Управление страной, после марта 1917 г., находилось уже не в балансирующем режиме, как это было в царское время, а в революционном, так называемом маневренном режиме, в результате которого всегда устанавливалась жесткая власть – диктатура, а не демократические институты.

Пермские крестьяне, обладая здоровым чувством меры, «нутром» почувствовали беззаконие большевиков и поэтому требовали отмены постановлений большевиков законным образом в Губернском Земельном Комитете.

Более того, данный документ отражает отношение крестьян к большевикам на четвертом Губернском Крестьянском съезде, проходившем в Перми 19 января 1918 г.: «...**неописуемая буря негодования и протестов**, которые разразились со стороны крестьянства, когда получено было, 19 января 1918 г., на происходившем в г. Перми IV Губернском Крестьянском Съезде **известие о вооруженном занятии большевиками Губернской Земельной Управы**. 19 января 1918 г. Губернский Земельный Комитет объявлен был большевиками распущенным. Вооруженная стража продолжала оставаться в нем в течение 7 дней. Занятия остановились. После неоднократного обращения большевиков в Управу работать вместе и обещаний не «мешаться» в работу, Управа работать отказалась. **Появление большевиков на съезде было встречено оглушительным взрывом негодований** (не выражавших протеста, из 450 участников съезда, было около 80 человек – 18 %). **Огромным большинством голосов Съезд вынес резолюцию с протестом против действий советской власти**. Земельным Комитетам было **выражено доверие за работу, направленную к интересам и нуждам трудового крестьянства**, обещая на местах **оказать большевикам самое решительное противодействие в их вредной и губительной работе**. После закрытия Земельных Комитетов **население долгое время избегало большевистских земельных отделов, обходило их, стараясь отыскать прежних работников Земельных Комитетов**. У крестьян **рождалось недоверие**, когда они встречали в Комитете людей, назначенных большевиками, никем не избранных» [1, с. 41–42]. Добавим из документа: «**о самих большевиках среди крестьян говорили так: «хорош у лисицы хвост, да она и сама хитра»** [1, с. 40].

Таким образом, в Пермской губернии в декабре 1917 г. оплотом борьбы с большевизмом оказались Земельные Комитеты, в которых работали бывшие землеустроители, землемеры и агрономы из бывших Землеустроительных Комиссий, а также сами крестьяне, познавшие, благодаря столыпинской землеустроительной реформе, что значит быть хозяином своей земле. Более того, крестьяне, обещая губернскому съезду в январе 1918 г., на местах оказывать большевикам «в их вредной и губительной работе» решительное противодействие, уже в августе 1918 г. подняли вооруженное восстание в Сепычевской волости, к которым присоединились хуторяне банковских земель Сивинской и Екатерининской волостей Оханского уезда Пермской губернии. Дальнейший массовый саботаж в городах и уездах Пермской губернии на всех уровнях власти в 1918 – 1919 гг. получит название в документах советской элиты, Ленина и Сталина, – «Пермская катастрофа».

Источники и литература

1. Государственный архив Пермского края. Ф. Р-469. Оп. 21. Д. 1. «Из истории Земельных Комитетов в Пермской губернии». Л. 23–45.

«Третьеиюньский» переворот и «новый» избирательный закон 1907 г., как результаты первой русской революции в оценке партии кадетов

*Щукин Д.В.*²⁹

Тезисы доклада

Аннотация: Цели и задачи: Итог первой русской революции 1905–1907 гг. – «третьеиюньский государственный переворот» и новый государственный строй в России начала XX века – думская монархия. Задачей выступает рассмотрение оценки акта государственной власти Российской империи (манифест от 3 июня 1907 г. и введение нового избирательного закона) со стороны представителей либерального движения России начала XX века (партией Народной Свободы – кадетами), выяснение их отношения к новому избирательному закону и созданной на его основе политической системе в стране.

Ключевые слова: Государственная Дума, партия кадетов, фракция партии Народная Свобода, Российская империя, третьеиюньская политическая система, парламент, история России.

Schukin D.V. “Tretyeiunsky” take-over and “new” electoral law of 1907 as a result of the First Russian revolution according to estimate of party of cadets

Abstract: Goals & objectives: The result of the first Russian revolution of 1905–1907 – political system of the Third of June and a new form of government in the early XX century Russia – the Duma monarchy. The task is the consideration of evaluation act the state authorities of the Russian Empire (the Manifesto of June 3, 1907, and the introduction of a new electoral law) on the part of representatives of the liberal movement of Russia of the early twentieth century (party of National Freedom – party of cadets) and the elucidation of their attitudes to the new electoral law and the political system in the country.

Keywords: State Duma, party of cadets, fraction of party National Freedom, Russian Empire, political system of the Third of June, parliament, history of Russia.

«Отойдя на известное расстояние от событий, мы только теперь начинаем их разбирать...»

П.Н. Милюков

«Революцию похоронили. Ее гложут черви. Но революция обладает свойством быстро воскресать и пышно развиваться на хорошо подготовленной почве...»

В.И. Ленин

Первая половина XX в. в истории России – время революций, которые становятся неким знаковым элементом реальности и жизненной практики общества эпохи «последнего императора» династии Романовых Николая II.

Утверждение о том, что войны и революции – это исторические процессы качественных изменений и образы перемен в общественном сознании на наш взгляд, несомненно. Однако революция – это ещё и «настроения».

²⁹ **Щукин Денис Васильевич** – доцент, кандидат исторических наук. Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.

Первая русская революция 1905–1907 гг. формирует в стране абсолютно новое «настроение» в сознании масс. Завершение данной революции – это смена настроений.

Итог первой русской революции – это «третьеиюньский государственный переворот». Высочайший манифест от 3 июня 1907 г. (в котором шла речь об изменении избирательного закона) окончательно определяет новый государственный строй в России начала XX в. – думскую монархию.

Решение Николая II о введении в стране нового избирательного закона (о чём также свидетельствует текст третьеиюньского манифеста 1907 г.) позволяет небезосновательно говорить о предпринятой самодержавием усилий в отношении реставрации своих позиций. Возникает вопрос – не является ли это некой «революционной попыткой» самой власти в данный период времени?

«Июньский вопрос 1907 г.» как результат революции меняет конфигурацию на политическом пространстве России начала XX в. и создаёт «новые правила» игры. Ключевое место в данной «игре» было отведено избирательной кампании по выборам депутатов в Государственную думу Российской империи третьего созыва (в дальнейшем ей самой). Факт появления после роспуска II Думы нового избирательного закона с изначально «заданным» характером только подтверждает это.

«Бесстыжий» по мнению министров избирательный закон 1907 г., составленный товарищем министра внутренних дел С.Е. Крыжановским, был рассмотрен уже в мае 1907 г. в Совете Министров с участием ряда членов Государственного совета и Государственной думы, а впоследствии, утвержденный Николаем II, 3 июня 1907 г. был введен в действие.

Практическая реализация данного закона в рамках выборной кампании в III Государственную думу Российской империи приводит к осуществлению такого положения, при котором, с одной стороны, ни одна из политических партий не получала устойчивого большинства в парламенте, а с другой – оно обеспечивало российскому правительству, во главе со П.А. Столыпиным, свободу манёвра в отношении думских фракций и возможность опираться то на правоцентристскую коалицию, то на коалицию левых и центра.

Интерес представляет оценка данного акта власти (манифест от 3 июня 1907 г. и введение нового избирательного закона) различными политическими силами России начала XX в. и деятелями оппозиционных партий.

В рамках данного исследования предлагается на примере партии кадетов представить оценку этих действий государственной власти со стороны представителей либерального движения России начала XX в. и их отношение к новому избирательному закону, и созданной на его основе политической системе в стране.

Становление Советской власти в Рязанской губернии

Агарев А.Ф.³⁰

Тезисы доклада

Аннотация: Статья посвящена процессам становления Советской власти в Рязанской губернии. Анализируются причины, этапы и итоговый приход к власти большевиков, исходя из конкретных местных условий. Делается вывод, что становление Советской власти в губернии проходило мирным путем, что во многом обуславливалось личными качествами местных руководителей.

Ключевые слова: большевизм, Рязанская губерния, революция 1917 г.

Agaryov A.F. The formation of Soviet power in Ryazan province.

Abstract: The article is dedicated to processes of formation of Soviet power in Ryazan province. Causes, phases and results of rising to power of Bolsheviks based on definite local conditions are analyzed. It is concluded that the formation of Soviet power in the province carried out by peaceful way that mostly was based on personality of local power managers.

Keywords: bolshevism, Ryazan province, Revolution of 1917

С победой вооружённого восстания в Петрограде по всей стране начался переход власти в руки большевистских Советов. В разных местах он происходил по-разному. Степень сопротивления новой власти в каждой из губерний зависела от сложившихся местных политических условий и от личных качеств людей, которые участвовали в политической борьбе. Если в Москве, Киеве, Иркутске, Омске, Казани и некоторых других городах сторонники Временного правительства яростно сопротивлялись, то смена власти в Рязани произошла достаточно спокойно; вооружённой борьбы, можно сказать, почти не было. Это явилось результатом, грамотных действий таких людей, как лидер рязанских большевиков С.П. Середа и председатель Рязанского военно-революционного комитета А.С. Сыромятников, которые руководили установлением советской власти в Рязани.

В губернском центре о восстании в Петрограде узнали на следующий день. 26 октября в здании бывшего дворянского собрания на объединённом заседании исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов и представителей гарнизона был образован губернский Военно-революционный комитет (ВРК) в составе 8 человек, который взял на себя всю полноту власти в губернии. Среди избранных было 6 большевиков и 2 меньшевика. Последние сразу же заявили о своём выходе из ВРК, поскольку были против передачи власти в руки Советов. Тогда совещание провело довыборы комитета, в ходе которых в составе ВРК оказалось ещё три большевика: Н.В. Масалков, Л.Я. Корон (работал медником-жестянщиком, проводил агитационную работу среди железнодорожников) и С.П. Середа [1, 125].

Председателем ВРК избрали большевика А. С. Сыромятникова. С.П. Середа вошёл в состав комитета на правах заместителя председателя. Так было положено начало созданию в Рязани советского рабоче-крестьянского государственного аппарата.

³⁰ Агарев Александр Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. Действительный член Академии Военных наук РФ. Заслуженный работник Высшей школы РФ. Лауреат Государственной премии РФ имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова.

ВРК обратился к солдатам Рязанского гарнизона и населению города с призывом встать на защиту Октябрьской социалистической революции и получил поддержку. Так, например, уже 28 октября 1917 г. объединённое заседание солдатских комитетов 208-го пехотного запасного полка постановило: «Беспрекословно исполнять все распоряжения и приказания Военно-революционного комитета, без санкции которого не исполнять никаких приказаний, исходящих от начальников всех степеней» [Цит. по: 2, с. 188].

Должностные лица, представлявшие в губернии Временное правительство, естественно, стали оказывать противодействие новой власти. Например, начальник Рязанского гарнизона подполковник С.Д. Яковлев не признал ВРК и, чтобы воспрепятствовать активным действиям ВРК, приказал стянуть из уездов кавалерию. Губернский комиссар Временного правительства эсер Ф.К. Павлов также отрицательно отнёсся к деятельности ВРК и, рассматривая его как самочинную организацию, выразил готовность бороться с ним всеми находящимися в его распоряжении средствами [1, с. 126, 128].

А ВРК тем временем, опираясь на поддержку гарнизона, перешёл к активным действиям: в ночь на 30 октября он без кровопролития взял под свой контроль учреждения связи, арсеналы и банки. Тогда комиссар Временного правительства и его окружение решили подтолкнуть чиновников на саботаж новой власти. 31 октября служащие государственных учреждений провели общее совещание «в связи с выступлением большевиков и попытками их к захвату власти». В резолюции, принятой совещанием, выражалось доверие Временному правительству во главе с Керенским, и заявлялся протест против перехода власти в руки большевиков. Участники совещания заявили, что если большевики попытаются установить контроль над работой их учреждений, то их служащие прекратят работу. Подобные выступления происходили и в уездах [2, с. 189–190]. В ходе переговоров ВРК сумел убедить банковских и почтово-телеграфных служащих перейти к политике нейтралитета.

Понимая, что за всеми этими действиями стоял губернский комиссар, ВРК выступил с предупреждением непосредственно в его адрес. 2 ноября в специальном отношении на его имя ВРК заявил: «Ввиду того, что Военно-революционный комитет образован по постановлению гарнизонного собрания и может быть распущен только им, Комитет заявляет, что Ваше требование о закрытии Комитета последним игнорируется.

Вместе с тем Комитет ставит на вид Комиссару, что его выступления в общественных собраниях и в печатных обращениях к населению носят характер преступного натравливания одной части населения на другую, преступного провоцирования гражданской войны» [2, с. 190].

Поддержку комиссару, члену своей партии, попытались оказать эсеры, активизировав свою деятельность как в уездах, так и в губернском центре. 2 ноября на общем собрании Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов они выступили с предложением отказать в поддержке Совету народных комиссаров. Но большинство собрания их не поддержало, приняв следующее постановление: «Признать Временное пролетарское, крестьянское правительство, образованное в Петрограде 26 октября...» [1, с. 130].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.